

ПОЛИНА ЛЮРО

МЕТЕОРИТ

Полина Люро Метеорит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69282979

SelfPub; 2023

Аннотация

Загадочный «космический странник» промчался над Землёй, в одно мгновение унеся жизни многих людей и навсегда изменив судьбу героини рассказа...

Полина Люро

Метеорит

Поезд двигался настолько плавно, что я, не слыша привычного перестука колёс, почти забыла, где нахожусь. Вышла из купе, потягиваясь и потирая уставшую спину, в очередной раз пытаюсь оторвать напросившуюся со мной в поездку подругу от планшета:

– Кать, сделай перерыв хоть на десять минут, пойдём разогнёмся, задолбало четыре часа сидеть как мумия в саркофаге...

Но подружка пробурчала, даже не поднимая головы:

– Уже? Вроде только сели... И, кстати, мумия лежит себе спокойненько, а не дёргается, как некоторые... Иди, я сейчас, осталось совсем немного... Ох, чёрт, зачем отвлекла, дурилка? Чуть не продула...

С досадой махнув рукой, немного побродила по вагону, остановившись у приоткрытого окна. Тёплый весенний ветер взъерошил отросшие за зиму волосы, как мама, нежно погладив разгорячённые духотой щёки... Я не видела её целых три месяца и безумно соскучилась, а ведь совсем недавно рвалась в Москву, крича, что уеду из этого убогого городишки и не вернусь — так достала его провинциальная серость, вечное сонное царство...

Кто знал, что уже скоро в бездушной столичной суете мне будет не хватать тепла и уюта родного дома, привычного ворчания бабушки и раздражающих воплей младшей сестры. Впрочем, я ни за что не призналась бы в этом даже самой себе...

Мимо на фоне оранжевого закатного неба пролетали телеграфные столбы, кособокие деревья и облезлые дома, прятавшиеся за старенькими покосившимися заборами. Небольшие змейки рек, в чьих тёмных водах отражались огненные блики уходящего за горизонт солнца, пересекали опустевшие, казавшиеся бесконечными прямоугольниками полей. И над всем этим висела удивительная тишина, лишь изредка прерываемая приветственными гудками встречных поездов...

— Осталось совсем немного — примерно через час прибудем на станцию, правда, скоро уже совсем стемнеет, но не страшно — дорогу к дому найду и с закрытыми глазами. Всего-то двадцать минут пешком. Надеюсь, Катерина не будет, как обычно, нить... И зачем только увязалась за мной, идиотка, экзотики ей, видите ли, захотелось. Будут тебе козы, овцы и глухой пастух в придачу — налюбуйешься. Впрочем, этой *игроманке* всё равно — лишь бы сеть ловила...

Я задумчиво смотрела в окно, пропустив момент, когда среди разноцветных облаков из ниоткуда вынырнула яркая светящаяся точка и, быстро увеличиваясь в размерах, помчалась по небу наперерез движению поезда. Едва успела

крикнуть:

— Кать, скорее тащи мобильный, я свой забыла в купе, тут метеорит... — словно тысяча фейерверков взорвалась над головой, и вагон подпрыгнул, как на горке. Только чудом меня не размазало о стену — наверное, повезло, что мёртвой хваткой вцепилась в поручни, но голову здорово повело... Даже зажмурившись я стонала от выжигающей мозг боли — проклятый яркий свет проникал не только под веки...

А перестав кричать, не сразу решила прикрыть глаза, до конца не веря, что ещё могу дышать после пронёсшейся по вагону обжигающей, сминающей внутренности волны. И только почувствовав под ногами лёгкое дрожание — *вопреки здравому смыслу поезд продолжал двигаться* — разлепила мокрые то ли от слёз, то ли крови ресницы.

Сначала всё вокруг двоилось и плыло, кружа и переворачиваясь, словно пылинки в лучах света. Но это на удивление быстро прошло, и сквозь узкие щели продолжавших гореть глаз я смогла снова видеть мир. А он, на первый взгляд, совсем не изменился: окна в вагоне почему-то остались целы — ни одного кусочка стекла на полу, что, конечно, после такого взрыва было невероятно... И ещё пугала тишина — не раздавалось так бесившего хныканья детей из соседнего купе, не матерились наши попутчики, после бутылки горячительного всю дорогу ожесточённо сражавшиеся в карты. Я даже подумала:

— Неужели контузило?

Меня трясло, как после купания в ледяной проруби на прошлогоднее Крещение, и, выбивая зубами дробь, кое-как развернувшись, я по стеночке «поползла» к двери. Руки настолько ослабли, что вряд ли сумели бы её открыть, но делать этого не пришлось — распахнутая настежь, она не скрывала пугающей пустоты — внутри купе *никого не было*.

В тот момент я плохо соображала, поэтому еле слышно позвала:

– Катя, что за бред? Где ты...

Попятившись, споткнулась о собственный рюкзак, валявшийся на полу рядом с другими разбросанными вещами. Машинально подняв его, закинула на плечо и выбежала из купе, не замечая, что с размаху бьюсь о дверь, и продолжая звать подругу:

– Катя, пожалуйста, не шути так, мне страшно...

В соседнем купе, как и остальных, никого не оказалось — тот же погром, словно все второпях покинули поезд, забыв главное — *меня*... Я глотала слёзы, повторяя:

– Мама, мамочка, помоги... — открывая дверь в тамбур соседнего вагона, чтобы уже через минуту убедиться — здесь тоже пусто...

Дальше шла вперёд уже безо всякой надежды и оказалась права — в этом летящем на всех парах поезде остался только один пассажир...

– Как же так... А машинист и помощник — неужели они тоже исчезли? Кто же тогда ведёт...

В дрожащий вагон ворвался обжигающе холодный ветер, и двери как по команде бесшумно поплыли в сторону — состав плавно поворачивал. Свет мигнул, и, взвизгнув от ужаса, что сейчас останусь в полной темноте, я помчалась назад в *свой вагон*, как будто это что-то меняло... От страха даже в голову не пришло, что неуправляемый поезд в любой момент может сойти с рельсов, похоронив меня под искорёженной грудой металла...

Едва дыша, я стояла у окна напротив купе, пытаюсь взглядом догнать быстро мелькающие силуэты деревьев. Сумерки не позволяли рассмотреть проносящиеся мимо предметы, пряча их в своих тенях, и приходилось вглядываться в надвигающуюся ночь, щуря глаза при свете редких фонарей, в надежде увидеть хоть одну *человеческую фигуру*. Мысль, что *там*, за окном поезда, тоже *никого нет*, сводила с ума куда сильнее, чем неотвратимо приближающееся крушение...

На улице заметно похолодало, но даже гулявший по вагону сквозняк не мог остудить моего пылающего лица и высушить безутешных слёз. Несмотря на ночную тьму, пытавшуюся заполнить собой весь мир, я узнавала родные места — блеск речной воды в свете выплывшей в небо огромной луны, строгие очертания старых храмов и монастырей пригорода. Значит, остались считанные минуты до того, как сумасшедший поезд или промчится мимо станции, или высадит меня во мрак одиночества...

Вагон вздрогнул, и движение состава замедлилось, а я со

стоном опустилась на пол. Снова мигнули светильники под потолком, и внезапно распахнувшаяся дверь «нашего» купе выпустила на волю двух хнычущих мальчишек-дошколят. Вслед за ними выплыла дородная женщина в блестящем плаще и, прикрикнув на ребят басом, потащила за собой к выходу, даже не взглянув в мою сторону.

Я не верила своим глазам:

– Люди, *живые*... Неужели от волнения зашла в чужой вагон? Не помню, всё перепуталось в моей бедной голове...

Словно из-под земли вынырнула рыжеволосая проводница в новенькой форме и, остановившись рядом, зашипела:

– Совсем распустились, ни стыда, ни совести... Не могла до станции потерпеть, что ли? Вон за окном вокзал, там и пей, сколько хочешь. Ишь, расселась, пьянь... А ну, быстро вставай, вот так... Выходишь или нет? Нечего дорогу загроживать... — и она от души выругалась, тут же, как ни в чём не бывало, мелодично пропев на весь вагон:

– Стоянка поезда две минуты, поторопитесь...

Но я её не слушала, радостно кивая и пробираясь к выходу на полусогнутых от слабости ногах.

Какой-то старичок протянул мне руку, помогая выйти на перрон, и от мысли, что *не одна в этом мире*, я готова была его расцеловать. Но недремлющая супруга «добряка» окинула меня суровым взглядом, и, засмеявшись сквозь так и не высохшие слёзы, я поспешила к зданию вокзала, бормоча под нос:

– Вот ведь дурёха... Наверное, после взрыва потеряла сознание, потому и поймала этот бред на свою голову. Надо же, чуть не умерла со страха, глупая... и мобильный в купе забыла. Ладно, это всё ерунда, позвоню Кате из дома. Не маленькая, разберётся — если что, выйдет на следующей станции, потом встречу...

Я остановилась перед на удивление похорошевшим зданием вокзала, чтобы напиться из колонки, и, умываясь ледяной водой, хлопала носом, не переставая говорить сама с собой — похоже, стресс не собирался меня отпускать:

– Надо же, наконец-то закончили ремонт, не прошло и десяти лет. И новенький асфальт положили, просто чудеса цивилизации в нашем захолустье...

Мимо прошелестел шинами современный автобус, и я притворно охнула:

– Да иди ты, правда, что ли, *новый*? А где же старая развалюха, неужели, наконец, сдали на металлолом? Оп-па, и афишу в кои-то веки сменили, что тут у нас идёт в городском театре — ага, опять «Ревизор». Похоже, до сих пор актуальный сюжет...

Слова застряли в горле, и сразу стало нечем дышать: я разевала рот выброшенной на берег рыбёшкой и била себя кулаком в грудь. Но воздух, противно хрипя, упорно не хотел идти в скомканные лёгкие. Прислонившись лбом к афише, наконец глотнула знакомую, наполненную речной сыростью прохладу и провела трясущимися пальцами по пахнувшим

свежей типографской краской строчкам:

– Весь сезон на сцене городского театра с вами... бла-бла бла... и в конце дата... Что за... Это ведь шутка, да?

Вытащив из рюкзака косметичку, впопыхах чуть не выронила из рук зеркальце. Лучше бы оно разбилось, чем показывать перепуганной девчонке усталое женское лицо с глубокими вертикальными морщинками над переносицей, синевой под не накрашенными глазами и горькими складками у красивого рта.

Тёмная чёлка прикрывала непривычно сухую кожу лба, длинными прядями спускаясь на словно снегом припорошённые виски.

– Что это? Седина... в моём-то возрасте?

Закрыла пудреницу, подойдя к подсвеченным неоном стеклянным дверям вокзала. В зеркальной поверхности отражалась стройная симпатичная женщина средних лет с короткой стрижкой и печальными глазами, в моей футболке и дырявых джинсах, сжимающая ремешок рюкзака с большим милым брелоком в виде рыжего котёнка. Мамин подарок перед отъездом...

Я смяла его в руке и, отцепив, быстро убрала внутрь сумки.

– Нет, этого просто не может быть... — у меня внезапно кончились слёзы, и, едва дойдя до ближайшей скамейки, со стоном рухнула на неё, спрятав лицо в дрожащие ладони.

Рядом раздалось неуверенное покашливание, и кожу руки

обожгло холодом металла. Вздрогнув, я подняла словно засыпанные песком глаза на опрятно одетого мужичка с неровно постриженной бородкой в не по сезону тёплой куртке. Его совсем нестарые, умные глаза смотрели с неожиданным сочувствием. Незнакомец протянул мне банку пива и, смущённо отводя взгляд, сказал:

– Возьмите, пиво хорошее, нашего завода... Вы не думайте, я его купил. Не надо грустить, какие Ваши годы, всё обязательно наладится. Вот увидите... Ну ладно, пойду, — и он взялся за ручку нагруженной тележки из супермаркета.

Ещё вчера я бы послала этого типа куда подальше, чтобы не лез не в своё дело. Но сейчас... мне так нужны были слова поддержки и утешения, что казавшийся чужим голос едва не сорвался, вздрагивая:

– Спасибо Вам... Не уходите, пожалуйста, побудьте немного, мне так плохо...

Он только кивнул и, вздохнув, сел на другой конец скамейки.

Мы молчали. С трудом открыв банку, я сделала несколько неуверенных глотков. Голос у человека был приятный и хорошо поставленный:

– Поверьте, я много чего повидал, всё рано или поздно проходит — и плохое, и хорошее...

Горько усмехнулась в ответ:

– Наверное, но жизнь так несправедлива, за что?

Он посмотрел на меня как на ребёнка:

– Не ищите ответа на этот вопрос, просто радуйтесь, что живы. Многим людям не повезло гораздо сильнее, чем нам... Вот лет двадцать назад, я тогда ещё работал машинистом на здешней железной дороге, упал в наших краях метеорит. Неужели не слышали? Как раз была моя смена, но дочка заболела, пришлось с ней на руках мчаться в больницу, вот я с другом и поменялся. Ромка вёл злополучный поезд, когда этот проклятый камень взорвался...

Он достал из тележки ещё одну банку пива и открыл:

– Меня Степаном зовут...

– А я Маша...

Неожиданный собеседник продолжил:

– Так что, я — везунчик, а вот все пассажиры погибли, никого не нашли, да и сам состав пропал. Испарился, что ли, так ответа до сих пор и нет — осталась огромная воронка. Сначала-то шума было много — газеты, телевидение, даже кино снимали, а теперь все молчат, тайна... Так что не стоит, Маша, плакать, у нас с Вами есть шанс хоть что-то изменить в жизни, а у них — уже нет...

Я глотнула ещё пива:

– Считаете, все погибли?

Он удивился:

– А как иначе? Силища-то какая рванула...

Мой тихий смех, наверное, показался ему *ненормальным*, но он вежливо промолчал.

– А я вот думаю, *не все*... Только пока неясно, *счастье*

ли это. Посмотрим, — пустая банка нырнула в мусорный контейнер, — спасибо Вам, Степан, но мне пора. Надеюсь, мама *до сих пор ждёт...* — сказала, и сама ужаснулась этим словам.

Он тоже встал:

– Далеко Вам идти, Маша? На Заречную? Знаю, конечно... Не возражаете, если провожу, мне-то спешить некуда... Вот и хорошо, а то мало ли что, ночь всё-таки...

Любопытная Луна провожала нас до маминого дома, пока мы под скрип разболтанных колёс тележки Степана не спеша шли вниз по улице, ныряя из светлых пятен от фонарей в тёмные провалы между ними и негромко обсуждая, как изменился старый город за прошедшие двадцать лет...